

Арзаманова Т.В.¹, 2020

Европейская оборона: Пазл со многими неизвестными

***Аннотация.** В последнее время тематика, связанная с созданием европейской обороны, приобрела особую актуальность. Под давлением нарастающей турбулентности евроатлантического пространства, усиления изоляционизма США, возрастающего противостояния двух центров силы – США и Китая, смещения процесса принятия стратегических решений в «треугольник» США – Россия – Китай, Европа вынуждена признать, что период солидарной позиции коллективного Запада закончился. Если ранее разногласия между союзниками носили исключительно тактический характер, то сейчас они затрагивают фундаментальные основы сотрудничества. В сложившейся ситуации Европа пытается активизировать развитие европейской оборонной составляющей и усиливает интеграцию в области политики безопасности в целях достижения стратегического суверенитета. Этот процесс осложняется низким уровнем европейского оборонного потенциала, дефицитом европейского оборонного бюджета, слабым стратегическим планированием, нерешенным вопросом компетенций наднационального командования европейскими ВС. Применение сравнительного, ивент-и контент анализов позволило выделить ключевую проблему – существование у государств – членов ЕС разной шкалы оценки рисков и угроз безопасности, сложности достижения единого понимания целей*

¹ Арзаманова Татьяна Владимировна – ведущий редактор Отдела проблем европейской безопасности ИНИОН РАН (tarzamanova@mail.ru).

и задач европейской обороны, без чего выработка ее стратегической концепции будет носить во многом декоративный характер. Сделан вывод о необходимости прежде всего формирования общеевропейского консенсуса по базовым моментам, включая набор ключевых дефиниций. Серьезным вызовом для проекта европейской обороны стал коронавирус COVID-19. Пандемия выявила глобальный кризис лидерства, нехватку солидарности, неготовность мира и Европы к масштабной биологической угрозе. В ближайшем будущем государства в числе приоритетных угроз будут рассматривать биологические атаки, и это представляется перспективным направлением для сотрудничества в рамках европейской обороны. Речь идет о разработке общеевропейской системы распознавания, оповещения и противостояния бактериологической угрозе с использованием разработок в области искусственного интеллекта.

Ключевые слова: европейская безопасность, оборона, стратегический суверенитет, изоляционизм, ЕС, НАТО, США, Китай, РФ, биологическая угроза, пандемия.

Геостратегический контекст. Трансформация европейской политики безопасности и обороны началась, когда Европа, как и весь мир в целом, вступила в эпоху прокси-войн, перманентной киберугрозы и глобального террора. Список причин, непосредственно подтолкнувших европейцев к активизации переговорного процесса и принятия ряда программ в рамках инициативы «Постоянного структурированного сотрудничества по вопросам безопасности и обороны» ЕС (Permanent Structured cooperation, PESCO), весьма обширен. Триггером здесь послужил нарастающий изоляционизм Соединенных Штатов и феномен Д. Трампа как отражение объективных процессов, происходящих в «глубинной» Америке. Сейчас уже очевидно, что США не способны более контролировать ситуацию в глобальном масштабе и в краткосрочной перспективе будут заняты прежде всего сдерживанием растущих геостратегических амбиций Китая, а также возросшей внешнеполитической активности России, к которой Запад оказался не готов. Какие бы приличествующие случаю заявления ни продолжали делаться Вашингтоном на юбилейных саммитах, факт остается фактом: американцы стремительно «уходят» из Европы – и эта тенденция будет со временем только усиливаться.

На Брюссельском саммите НАТО в мае 2017 г. президент Трамп в ультимативной форме потребовал от европейских союзников увеличить взносы в оборонный бюджет Альянса до уровня в 2% ВВП, согласованного еще на Уэльском саммите организации в 2014 г. Д. Трамп посетовал, что 23 из 28 стран – участниц Альянса не доплачивают, что, по его мнению, является «нечестным по отношению к народу и налогоплательщикам США», а саму планку оборонных расходов в 2% ВВП назвал «убогим минимумом» [Baker, 2017], не способным обеспечить даже необходимую модернизацию ВС НАТО.

Особенно досталось тогда от Трампа Германии. В европейских столицах были немало шокированы риторикой президента, который еще с начала своей предвыборной кампании неоднократно обвинял ФРГ в том, что страна много лет пользуется американским «зонтиком безопасности» и упорно не хочет за это платить. И это притом, что именно ФРГ в силу причин исторического характера больше других нуждается в трансатлантическом партнерстве. Официальный Берлин пытался оппонировать, настаивая на том, что необходимо учитывать не только абсолютные цифры расходов, но и вклад союзников в общую оборону Альянса. Так, ФРГ участвует в миротворческих и гуманитарных миссиях, в посткризисном урегулировании и поддержании стабильности в различных регионах мира. Кроме того, на авиационных комплексах дальнего радиолокационного обнаружения и управления (ДРЛОУ) – AWACS¹, используемых НАТО, полностью немецкие экипажи. Всё это требует от ФРГ значительных финансовых усилий.

Ряд европейских экспертов в области безопасности, в том числе И. Варвик, К.-Х. Камп, Дж. Робертсон, Р. Ролофф, назвали требования США к союзникам вполне справедливыми. Они обратили внимание на то, что Европа до сих пор не готова и не хочет брать на себя ответственность за обеспечение собственной безопасности. Гораздо проще и удобнее каждый раз прибегать к помощи американских союзников. Между тем еще президент США Б. Обама настаивал на увеличении взносов на оборону в рамках

¹ *Airborne Warning and Control System.*

НАТО, так что на самом деле речь идет вовсе не о личной инициативе Д. Трампа, а о преемственности внешней политики США.

Многие высокопоставленные американские военные и дипломаты поддерживают претензии Белого дома. Так, в декабре 2019 г. газета «Die Zeit» опубликовала довольно жесткое интервью бывшего командующего сухопутными силами США в Европе Б. Ходжеса [Hodges, 2019]. Последний задается вопросом, почему Германия, не являясь постоянным членом Совета Безопасности (СБ) ООН и не обладая ядерным оружием (что дает известную долю стратегической автономии той же Франции), десятилетиями рассматривавшая НАТО в качестве главной опоры своей безопасности и потерявшая бы в случае недееспособности Альянса больше всех европейских союзников, не вносит соответствующий ее экономическому весу вклад в функционирование НАТО?

Генерал Ходжес полагает, что если немцы действительно хотят сохранить НАТО, то они должны более активно вести себя в Альянсе. А вместо этого Берлин пребывает, по его словам, в состоянии «стратегической инерции». Любые общественные дебаты о роли Германии в мире неизменно наталкиваются на нежелание обсуждать подобные вопросы. Берлин планирует довести свой вклад на оборонные расходы до требуемых 2% ВВП лишь к 2031 г. вместо согласованного срока – 2024 г. Между тем большие расходы на оборону позволили бы осуществить модернизацию бундесвера в соответствии со стандартами НАТО. Генерал полагает, что Германии пора прекратить использовать свое прошлое, стремясь избежать ответственности за будущее: «Ни одно из этих оправданий недостойно нации, которая 70 лет была занята тем, что доказывала, что является либеральной демократией с высокими моральными стандартами и построила крупнейшую экономику в Европе. Немцы должны снова доверять себе!» [Hodges, 2019]. Если же Берлин не справится с большей ответственностью в Европе и в НАТО, а США будут продолжать дистанцироваться от европейских союзников, именно ФРГ проиграет больше всех.

В еще большей мере иллюзии европейцев о нормализации отношений с заокеанским партнером и возвращении статус-кво развеял саммит G7, прошедший в конце мая 2017 г. на Сицилии.

Если до этой встречи в верхах в дипломатических кругах господствовало мнение, что громкие заявления Трампа предназначены для «внутреннего пользования», для американских избирателей, то после саммита пришло понимание, что дрейф Америки от Европы – это всерьез и надолго. Европе придется теперь полагаться на себя.

Окончательную ясность внесло заявление Трампа о выводе американских войск из Сирии, где он подчеркнул, что США интересуется только нефть, и у них нет желания расплачиваться жизнями своих солдат за неблагодарных союзников. По этому поводу Д. Трамп отметил в Твиттере: «Хотят ли США быть полицейским на Ближнем Востоке, не получая ничего взамен, а только тратя ценные человеческие жизни и миллиарды долларов на тех, кто почти никогда не благодарен за то, что мы делаем? Пришло время другим сражаться» (цит. по: [Crowley, 2019]). Трамп предельно откровенно расставил приоритеты, подчеркнув, что США в принципе не хотят заниматься границами Сирии. «Мы хотим отправить наших солдат домой. Но мы оставили солдат, потому что мы печемся о нефти. Мне нравится нефть. Мы сохранили нефть за собой», – сказал президент на брифинге для журналистов в Белом доме (цит. по: [Ibid.]). Глава Пентагона М. Эспер также подтвердил, что целью американских войск в Сирии изначально являлась задача «отсечь от доступа к нефти как ИГИЛ¹, так и других игроков в регионе. И они с ней справились успешно» (цит. по: [Ibid.]). В Европе возмутились тем, что американский президент попросту «сдал» регион и уход армии США из Сирии на руку России, Турции, режиму Асада и Ирану. Президент Франции Э. Макрон тогда настаивал на продолжении присутствия сил западной коалиции в Сирии после победы над террористами, чтобы потом участвовать в ее восстановлении.

В Сирии ЕС оказался полностью выключен из процесса принятия решений. Все договоренности по кризисному урегулированию заключаются в двустороннем (Россия–Турция) или трехстороннем (Россия–Турция–Иран) форматах и выполняются сторонами ровно в том объеме, который им выгоден. С последствиями же в

¹ Здесь и далее запрещенная в РФ организация.

виде гуманитарной катастрофы и угрозы повторения миграционного коллапса 2015 г. имеет дело в первую очередь Европа. Это вызывает серьезное недовольство у ЕС, но в данной ситуации у него нет реальных рычагов давления. Если бы не решение Д. Трампа о выводе американских войск из Сирии, можно было бы, как обычно в сложной ситуации, апеллировать к союзнику. Однако Трамп заявил, что Турция воюет там уже целую тысячу лет, вот пусть и продолжает, у нее это отлично получается, а нам это неинтересно [Trump].

Вывод американского контингента из Сирии ЕС расценил как слабость США в качестве мировой державы, что еще больше подтолкнуло европейцев к действиям по усилению собственных компетенций в области безопасности.

Таким образом, под давлением обстоятельств ЕС вынужден был признать, что *период солидарной позиции коллективного Запада под руководством США закончился*. Если ранее разногласия между союзниками по НАТО носили исключительно тактический характер, то сейчас они затрагивают уже фундаментальные основы. Европа продолжает придерживаться многостороннего подхода, тогда как Д. Трамп предпочитает решать стратегические вопросы в «клубе равных» – с Россией и Китаем. Активность последнего на пути к мировому лидерству создает дополнительный риск «маргинализации» Европы. В условиях жесткого противостояния между США и Россией ЕС оказался фактически на положении заложника из-за рухнувшего режима контроля над вооружениями. Важное значение для безопасности континента приобретает и фактор бесконтрольного распространения оружия массового поражения в мире, что делает Европу уязвимой для «случайных» атак. Конфликт в Донбассе не решается, создавая очаг постоянной напряженности вблизи границ ЕС. И в этом случае европейцы оказались практически лишены рычагов влияния на ситуацию, учитывая отсутствие каких-либо серьезных подвижек в «нормандском формате».

Здесь необходимо понимать, что внешнеполитический изоляционизм США начался не с прихода в Белый дом Д. Трампа. Последний стал лишь выразителем глубинных процессов, происходящих в американском обществе. В корне ошибочным было бы

полагать, что именно Д. Трамп и его избирателям из «глубинки» США обязаны внешнеполитическим разворотом в сторону усиления изоляционизма. В американском обществе изоляционистские тенденции были крайне сильны уже на протяжении всего XX в., усиливаясь после каждой из мировых войн. Это было отражением естественного желания обывателей «отгородиться» от хаоса и разрушений в Европе. Путем огромных усилий и блестящей дипломатии европейским политикам удалось подключить США к европейской повестке дня.

В американском обществе десятилетиями накапливалось недовольство, которое прямолинейно артикулировал Д. Трамп. По сути, он так и остался бизнесменом, не став политиком, и привык называть вещи своими именами. Американским налогоплательщикам, видимо, окончательно надоело, что «неблагодарные европейцы» паразитируют на проблемах безопасности.

Турбулентность трансатлантического пространства привела к тому, что система общих ценностей больше не кажется партнерам по Альянсу столь непреложной. Речь А. Меркель в мае 2017 г. в Трудеринге (Trudering), в которой она заявила, что времена, когда «Европе можно было рассчитывать на других, прошли» (цит. по: [Henley, 2017]), всколыхнула былые надежды на континенте. Многие в ЕС посчитали эту речь началом новой, более уверенной и независимой от США политики безопасности. «Мир ждет, что мы начнем действовать», – заявила канцлер А. Меркель 11 декабря 2017 г. в Берлине, подчеркивая необходимость, в тандеме с Францией, сосредоточиться на работе над будущим Европы (цит. по: [Вачедин, 2017]).

Выступая на внешнеполитическом форуме в Берлине 5 декабря 2017 г., тогдашний глава МИД ФРГ З. Габриель подчеркнул, что Германии теперь необходимо руководствоваться в первую очередь собственными интересами – речевой оборот, совершенно немислимый из уст главы внешнеполитического ведомства, скажем, времен канцлера Г. Шрёдера. З. Габриель сделал в своей речи акцент на том, что ФРГ во многих ситуациях не может ждать отмашки из Вашингтона, да и роль США в мире уже не та, что прежде. Так что Германия больше не имеет права оставаться в стороне:

«Либо мы будем созидать мир, либо его будут определять другие» [Gabriel, 2017]. Эта лаконичная формулировка наилучшим образом определяет позицию Европы в ее стремлении к достижению стратегического суверенитета.

Позднее нынешний министр иностранных дел ФРГ Хайко Маас уточнил: «Я думаю о строительстве европейского оборонного союза как европейской опоры НАТО. Сегодня речь уже не идет о том, нужно ли строить, обсуждается только вопрос “как”» [Rede., 2020]. Бывший министр финансов ФРГ П. Штайнбрюк не один раз публично заявлял о том, что избрание Д. Трампа президентом США дает Европе шанс наконец завершить начатое – выработать согласованную внешнеполитическую концепцию и концепцию безопасности, включая создание коллективной обороны.

Соперничество Берлина и Парижа в рамках европейского оборонного проекта. Брекзит (ранее Лондон выступал против углубления сотрудничества в оборонной сфере между странами – участницами ЕС из опасения, что это негативно повлияет на их обязательства в рамках НАТО) и феномен Трампа стали стимулами развития франко-германских инициатив в этой области. Речь идет об их структурированном сотрудничестве в военной сфере, организации совместной логистической и медико-санитарной службы и т.д.

Однако вслед за громким заявлением Меркель о самостоятельности Европы перелома в политике безопасности не последовало. Не способствовали этому и неудачные для ХДС региональные выборы; тяжелейшие коалиционные переговоры как на федеральном, так и на региональном уровнях; статус «хромой утки» после ее решения не выдвигать свою кандидатуру на этот пост (по истечении срока полномочий); провал операции «Преерник» (с самого начала бывшей плохой идеей, поскольку сейчас ФРГ нужен харизматичный, самостоятельный лидер). Чем менее инициативной становилась Меркель на европейской арене (немецкие СМИ уже успели окрестить ее поведение «политическим аутизмом»), тем более активным делался ее французский коллега Э. Макрон. В итоге ему, безусловно, удалось поднять авторитет Парижа на международной арене и стать модератором политической активности в ЕС. Отме-

тим только заявление французского президента о «смерти мозга НАТО», когда он в напуганном интервью журналу «Economist» заявил, что «нет никакой координации принятия стратегических решений между США и их союзниками по НАТО» [Emmanuel Macron., 2019].

Подоплека такой активности очевидна – Франция стремится занять место Германии в качестве посредника в международных делах, особенно в области кризисной дипломатии и кризисного урегулирования. Франция тратит на оборону 1,8% ВВП, ФРГ – 1,2%; к тому же Франция обладает ядерным оружием и имеет постоянное место в СБ ООН. Уже одного этого Парижу достаточно для того, чтобы видеть себя во главе европейского проекта в области безопасности.

Среди европейских экспертов довольно распространена точка зрения, согласно которой Европа станет дееспособной и более независимой от вмешательства США в европейские дела, если Германия будет оставаться «финансовым якорем» ЕС, а Франция станет ключевым элементом оборонного союза. Такое распределение ролей могло бы сохранить баланс сил в двусторонних отношениях. Однако Берлин пока не готов уступить лидерство Парижу. Немцам и на уровне политического истеблишмента, и на уровне гражданского общества надоело чувствовать себя в ЕС дойной коровой.

Многие в ЕС упрекают французского президента в том, что в своей попытке добиться «суверенитета Европы» он еще больше вбивает клин между трансатлантическими союзниками в дополнение к изоляционизму США, и без того усилившемуся при Трампе. Не вызывает общего энтузиазма и то, что, исходя из стратегических интересов Франции, Макрон именно борьбу с терроризмом предлагает сделать центральной темой сотрудничества в рамках общеевропейской системы обороны и PESCO. При этом остается не до конца понятным разграничение компетенций в этом вопросе между ЕС и НАТО.

Еще большее раздражение в европейских столицах вызвала позиция Э. Макрона по вступлению в ЕС Северной Македонии и Албании. Причина здесь очевидна: в Париже решили, что перед расширением Союза нужно провести реформы, способные вновь

сделать его структурой управляемой. Европейские политики и СМИ, обрушившиеся на президента Франции с резкой критикой и обвинениями в допущенной исторической ошибке, вето Макрона расценили как «подыгрывание» России и дестабилизацию континента, поскольку в этом случае Западные Балканы продолжают оставаться в зоне российского влияния; станут еще более уязвимы для финансовой интервенции Китая, который активно инвестирует в этот регион с целью усиления своего присутствия. Оказавшись по этому вопросу в политической изоляции в ЕС, 24 марта 2020 г. Э. Макрон отменил свое вето [Balcan..., 2020].

Досталось Макрону и за предложение о возобновлении диалога с Кремлем по вопросу контроля над вооружениями. Нынешний хозяин Елисейского дворца, пожалуй, единственный из крупных европейских политиков, кто сейчас в публичном пространстве не относится к России как к изгою. Макрон считает, что на смену былому стратегическому партнерству должна прийти не изоляция, а сотрудничество *ad hoc* в области безопасности – начиная с проблем кризисного урегулирования в зонах конфликтов, таких как Сирия, Ливия или Донбасс, и заканчивая вопросами «мягкой безопасности» (*soft security*). Балансируя между Вашингтоном и Москвой, Э. Макрон явно рассчитывает на статус трансатлантического «посредника», что позволит Парижу закрепить лидерство в рамках ЕС.

Между тем европейская и американская пресса с возмущением отреагировала на эту инициативу французского президента, утверждая, что такое предложение граничит с предательством интересов безопасности НАТО. Политики тоже не остались в стороне. Х. Маас заметил, что подобные высказывания разделяют Европу и что Макрон действует на международной арене как тормозящий фактор европейского единства. И это, по мнению Мааса, печально прежде всего потому, что в европейской политике безопасности был достигнут определенный прогресс: активированы программы в рамках PESCO, созданы европейские силы быстрого реагирования (СБР), Франция и ФРГ участвуют в европейских программах разработки истребителей и танка нового поколения [Сидоров, 2019, с. 178], ФРГ планирует поддержать Францию в ее борьбе с терроризмом в Сахеле и на Ближнем Востоке.

Как бы то ни было, именно борьба за лидерство в ЕС между Парижем и Берлином и личные амбиции президента Макрона, подкрепляемые ядерным статусом Франции, немало способствовали активизации программ в области европейской оборонной инициативы. Выход Великобритании из ЕС не только позволил оставшимся странам форсировать усилия по созданию европейской обороны, но и оживил соперничество Берлина и Парижа. Идея большей ответственности ФРГ в военной сфере приобретает популярность в обществе: немцы больше не уверены в безусловности гарантий безопасности, предоставляемых заокеанским союзником, и страна готова стать не реципиентом, а донором безопасности. Это свидетельствует о ментальном развороте германского общества, который произошел всего за десять лет.

12 ноября 2019 г., в очередную годовщину создания ВС ФРГ, перед зданием Рейхстага в Берлине прошла массовая церемония принятия присяги солдатами бундесвера. Присутствовавшая там министр обороны ФРГ А. Крамп-Карренбауэр отметила, что армия «защищает Германию от внешних угроз и является жизненно важной частью общества, вот почему верно и правильно отмечать такие события в этом месте» (цит. по: [Bresssem, 2019]).

По мнению главы оборонного ведомства, бундесвер является важным инструментом «оборонительной демократии», и его присутствие в зарубежных миссиях должно быть расширено. И в будущем ФРГ «должна исходить из того, что она, как и любая другая страна мира, имеет собственные стратегические интересы. Принимая на себя большую ответственность, ФРГ должна сама проявлять инициативу, придавать импульсы, искать варианты... И должна быть готова нести связанные с этим расходы – как в финансовом отношении, так и в политическом и нравственном» (цит. по: [Ibid.]).

А. Крамп-Карренбауэр предложила рассматривать бундесвер как инструмент, который позволит Германии взять на себя всю полноту ответственности в качестве одного из ведущих игроков на мировой арене. Глава оборонного ведомства настаивает на том, чтобы при необходимости в ходе выполнения союзнических обязательств бундесвер мог бы располагать и всем комплексом военных

мер. При этом самостоятельные шаги со стороны Германии полностью исключаются – речь идет исключительно о выполнении союзнических обязательств, и прежде всего в рамках НАТО.

Председатель Бундестага В. Шойбле в тот же день выступил с заявлением, что немцы «как общество должны проявить себя в том, чтобы не уклоняться от долга Германии по обеспечению мира, защите наших ценностей, в том, чтобы выполнять свои задачи в соответствии с обязательствами, данными нашим союзникам» (цит. по: [Bressem, 2019]). В рамках развернувшейся в ФРГ широкой общественной дискуссии эта церемония публичной присяги оценивается как исторический шаг на пути «снятия табу» с бундесвера. Кроме левых инициативу о проведении присяги перед Рейхстагом поддержали все партии, представленные в Бундестаге.

Таким образом, ФРГ демонстрирует растущую эмансипацию своей оборонной политики и политики безопасности, направленной на достижение ЕС оборонной идентичности с целью его превращения в глобального игрока.

Проблемное поле европейского оборонного суверенитета. Очевидно, что в данном случае речь не идет о свободном выборе Европы и взвешенном, согласованном решении о движении к европейской оборонной идентичности и стратегическому суверенитету. Активизация программы PESCO была детерминирована давлением внешних обстоятельств – усилением напряженности внутри ЕС, а также фактором роста влияния Китая на международной арене. Как представляется, на сегодняшний день главной проблемой создания европейской оборонной идентичности продолжает оставаться отсутствие единого теоретического базиса. Чтобы эта идентичность перестала быть виртуальной и превратилась в реально действующий механизм, необходимо достижение общеевропейского консенсуса по ключевым моментам. В основе должно лежать определение целей новой европейской оборонной стратегии с подробным перечнем угроз, потенциальных противников и внутренних вызовов. А далее уже должна следовать надстройка – механизмы обеспечения безопасности, стоимость проекта и этапы финансирования. Пока же государства ЕС больше сконцентрированы именно на надстройке в ущерб базису, а без

фундамента, как известно, ни одна серьезная конструкция не обладает жизнеспособностью.

Именно поэтому движение к созданию европейской обороны приобрело достаточно хаотичный характер, а не стало продуманной стратегией. Основным препятствием прежде всего является наличие внутри ЕС диаметрально противоположных представлений о характере и особенностях европейской обороны. У государств – членов ЕС разная шкала оценки рисков и угроз безопасности, поэтому им сложно прийти к единому пониманию, без которого выработка стратегической концепции европейской обороны будет продолжать носить во многом декларативный характер. Так, восточные европейцы полагают для себя главной угрозой Россию и не мыслят своей безопасности без США и НАТО, т.е. трансатлантических связей [Federal President., 2020]. Для государств бывшего Варшавского договора ценность атлантической интеграции в силу исторической памяти до сих пор перевешивает ценность европейской. И в этом смысле европейская оборонная идентичность рассматривается ими исключительно как составная часть трансатлантического союза, а не самостоятельная линия, не говоря уже о европейской армии, идея создания которой нашла поддержку в Париже и Берлине. Но если для Э. Макрона эта идея представляется механизмом французского лидерства и ведущей роли Франции в командных структурах европейской армии, то для Берлина она приемлема только в виде германо-французского тандема в политическом и военном руководстве новыми структурами в формате PESCO. При этом высокопоставленные немецкие военные считают, что бундесвер находится сейчас в состоянии хронического недофинансирования, у него отсутствуют необходимые материальная база и потенциал, чтобы выполнять миссии по кризисному урегулированию, в которых он уже задействован.

Уполномоченный по делам бундесвера в Бундестаге Х.-П. Бартельс поднял вопрос о том, что германские ВС на сегодняшний день не справляются с чрезмерным объемом возложенных на них задач. Помимо таковых в рамках НАТО в Европе немецкий контингент (3,2 тыс. военнослужащих) участвует в многочисленных миссиях в Афганистане, Косово, Сомали, Судане,

Иордании, Ираке, Средиземноморье и др., и уже остро чувствуется нехватка кадров. Возможности немецких ВС по созданию европейской армии пока минимальны. Так, по данным 2019 г., ВВС ФРГ укомплектованы пилотами только на две трети. Еще год назад, по словам командующего ВВС И. Герхарца, военная авиация вообще находилась в глубоком кризисе. Только 58% немецких военных летчиков выполняют нормативы НАТО по налету – не менее 180 час. в год. В 2017 г. из 97 ед. поставленной бундесверу тяжелой техники к эксплуатации оказались пригодны лишь 38 ед. [Bundeswehr..., 2019]. И это только верхушка айсберга, хотя ситуация начала постепенно выправляться. Бундестаг утвердил на 2020 г. рекордный военный бюджет в 45,05 млрд евро. С учетом обязательств Германии в рамках НАТО страна планировала потратить на оборону в 2020 г. в общей сложности 50,25 млрд евро [Haushalt..., 2019]. При этом по-прежнему очевидно, что качественный рост бундесвера и процесс его модернизации потребуют длительного времени.

В базовом документе в области общей внешней политики и политики безопасности (ОВПБ) – «Глобальная стратегия Евросоюза» – в качестве главного вызова безопасности для континента и в качестве потенциального противника рассматривается Россия. Это является еще одним препятствием к выработке европейскими странами солидарной позиции в области обороны. Глава Федеральной разведывательной службы ФРГ в одном из интервью определил фундаментальную проблему коллективного Запада – непонимание и категорическое неприятие того, что у России могут быть вполне легитимные интересы в определенных регионах. «После возвращения России на международную политическую арену в качестве ключевого игрока Европа имеет вместо партнера в сфере безопасности скорее потенциальную угрозу» [Kornelius, 2017]. Возникает неопределенность и относительно курса ЕС по сдерживанию России. По понятным причинам исторического характера здесь кроется огромный вызов для Германии: европейская оборона под ее руководством и направленная на сдерживание России выглядит совсем маргинально, в отличие от привычного противостояния НАТО и России.

Европейское сотрудничество в сфере обороны затрудняют и разные процедуры принятия решений, и границы полномочий глав государств в ЕС. Так, в ФРГ решение о проведении военной акции в соответствии с Основным законом страны находится в исключительной компетенции парламента, в то время как, например, во Франции президент может единолично принимать решение. В ходе гражданской войны в Ливии, когда ФРГ и Франция выступили с разных позиций, исходя из своих геополитических интересов, обострился вопрос о необходимости создания механизмов стратегического согласования подходов стран ЕС в подобных ситуациях.

Центральным посылом «Глобальной стратегии ЕС» [Shared vision., 2016] являются планы по трансформации ЕС в глобального игрока. Мощная экономика еврозоны должна получить соответствующий ей политический статус, конвертировав выдающиеся экономические показатели в том числе и в элементы «жесткой безопасности» (hard security). Переход от европейской оборонной инициативы к созданию единой обороны – огромный шаг, требующий серьезных затрат, к которым многие государства ЕС не готовы ни морально, ни с точки зрения имеющихся у них экономических ресурсов.

Европе необходим не только военный, но и технологический суверенитет, а создание европейского рынка вооружений – мегазатратное предприятие. Между тем специфика этого процесса заключается в том, что «скидываться» должны все страны, а технологический прорыв на эти средства и, соответственно, преференции для развития национальной экономики будут у тех государств, которые являются крупнейшими производителями вооружений в рамках еврозоны. Отказаться от участия в программе PESCO государства, не получающие прямой выгоды от создания европейского рынка вооружений, тоже не могут себе позволить. PESCO – это огромный кусок «бюджетного пирога» Евросоюза, и в его распределении, естественно, хотели бы поучаствовать все страны ЕС.

Реализация программы PESCO. Официально PESCO была запущена лидерами ЕС на саммите в Брюсселе в декабре 2017 г. К инициативе присоединились все государства ЕС кроме Великобритании, Дании, Мальты. Программа насчитывает 47 совместных

проектов, направленных на создание новых вооружений и повышение боеготовности ВС ЕС, включая подготовку и переподготовку военных специалистов. Страны – участницы программы взяли на себя обязательства по увеличению оборонных бюджетов, ассигнований на разработку и приобретение новейших вооружений. В 2018 г. участвующие в программе государства увеличили военные ассигнования на 3,3%, в 2019 г. – еще на 4,6%. По данным Еврокомиссии (ЕК), возросли и расходы на закупку новейших вооружений, однако точных цифр пока нет.

Страны – участницы программы приняли 20 обязательств в области обороны, направленных на достижение стратегической идентичности. Речь идет в том числе об увеличении инвестиций, приоритете европейской промышленности при размещении оборонных заказов, усилении оперативной совместимости между ВС стран-участниц. 30 ноября 2016 г. ЕК утвердила План действий в сфере европейской обороны. Он предусматривает создание Европейского оборонного фонда (ЕОФ) для поддержки инвестиций в совместные НИР в военной области. В 2018 г. ЕС принял Пакт по гражданским аспектам ОПБО и План по укреплению гражданского потенциала. ЕОФ планирует выделять средства после 2020 г.; в 2021–2027 гг. ЕК перечислит в него 13 млрд евро из 28,5 млрд евро, выделяемых на безопасность и оборону ЕС. На 2019–2020 гг. функции фонда выполняет Европейская программа развития оборонной промышленности¹ с бюджетом в 500 млн евро. Также запланировано создание вне Общего бюджета ЕС Европейского фонда мира² (10,5 млрд евро) для поддержки операций ЕС в военной сфере и помощи международным, региональным организациям и третьим странам [The European Union's., 2019, p. 11].

Основная цель PESCO – оптимизировать европейские расходы на оборону путем усиления сотрудничества между участниками программы. ЕК также рассматривает PESCO как шаг к созданию европейской армии. В 2018 г. девять государств – членов ЕС, включая ФРГ и Францию, выступили с инициативой создания европей-

¹ *European defence industrial development programme (EDIDP).*

² *European Peace Facility.*

ских СБР – механизма с целью оперативного антикризисного реагирования как в рамках ЕС, НАТО, так и в формате *ad hoc* коалиций с упрощенной процедурой принятия решений. Меркель заявила о необходимости создания СБ ЕС для принятия решений в кризисных ситуациях. «Глобальная стратегия ЕС» предусматривает усиление потенциала европейских СБР; в настоящее время идет работа над развитием европейской системы управления операциями ЕС в области кризисного урегулирования.

В подписанном в январе 2019 г. ФРГ и Францией Аахенском договоре оба государства обязались развивать эффективность и согласованность в военной сфере, сотрудничать в совместных и европейских миссиях, а также в области создания вооружений. Франция и ФРГ, согласно договору, намерены добиваться оформления единой позиции ЕС в ООН.

Наибольшего прогресса европейцам удалось достичь в области производства вооружений. Изначально в качестве наиболее перспективных сфер европейского ВПК рассматривались военное судостроение и аэрокосмическая промышленность. Примерами успешной европейской кооперации в сфере вооружений могут служить создание авиапарка заправщиков на базе A330 MRTT с финансовым участием ФРГ, Люксембурга, Бельгии, Нидерландов, Норвегии, Чехии; франко-германская программа «Воздушная боевая система будущего» (Future Combat Air System (FCAS)) – проект по созданию истребителя шестого поколения, контракт на разработку которого подписан в феврале 2020 г. Истребитель должен вступить в эксплуатацию с 2040 г. для замены европейских боевых самолетов четвертого поколения Eurofighter и Dassault Rafale. Разработкой истребителя заняты компании «Airbus», «Dassault», «Thales». Стоимость программы на ближайшие два года оценена в 150 млн евро. В 2020 г. к проекту планирует присоединиться Испания (через концерн «Indra Sistemas») с вложением в него 50 млн евро [France, Germany., 2020]. Демонстратор истребителя предполагается создать к 2026 г. В альтернативном итало-британском проекте по разработке истребителя шестого поколения Tempest («Буря») принимают участие с итальянской стороны – концерн «Leonardo», с британской – компании «BAE Systems», MBDA UK,

«Rolls-Royce». Предполагается, что новый самолет будет принят на вооружение в середине 2030-х годов.

В июне 2018 г. министрами обороны стран ЕС был подписан протокол о намерениях в рамках созданной «Европейской инициативы вмешательства», направленной на дальнейшее развитие общей европейской стратегической культуры. Протокол подписали Бельгия, Великобритания, ФРГ, Дания, Испания, Нидерланды, Португалия, Финляндия, Франция, Эстония. В основе инициативы лежит оценка возможностей по совместному проведению операций и выполнению военных миссий как в европейском, так и в многостороннем формате с участием международных организаций. Всего на сегодняшний день ЕС участвует в следующих операциях и миссиях:

1) операция по борьбе с морским пиратством «EUNAVFOR Atalante», развернутая в акватории Сомали (с 2008 г.);

2) операция «EUNAVFOR Med Sophia» по борьбе с незаконной миграцией в Средиземном море (с 2015 г.);

3) операция EUFOR ALTHEA по поддержанию мира в Боснии и Герцеговине (с 2004 г.);

4) миссии EUTM по подготовке специалистов в Сомали (с 2010 г.), в Мали (с 2013 г.) и в Центрально-Африканской Республике (ЦАР) (с 2016 г.).

Помимо этого, в Сахеле, Северной Африке, на Ближнем Востоке, на Балканском полуострове, в Украине, Грузии и в Сомали ЕС развернул десять миссий по гражданским аспектам урегулирования кризисов. Речь идет в том числе о подготовке специалистов и консультировании по вопросам пограничного контроля и внутренней безопасности.

В феврале 2020 г. Евросоюз принял цифровую стратегию, в которой речь идет о стремлении ЕС стать одним из глобальных лидеров в управлении данными. Информация в условиях промышленной революции 4.0 становится основой экономики, поэтому предполагается создать единый европейский рынок данных. Пока эти устремления декларативны – в области развития искусственного интеллекта с колоссальным отрывом лидируют Китай и США. В капитализации цифровых платформ доля европейских фирм в

2019 г. составила лишь 4% глобального рынка данных. Таким образом, в ближайшее время обеспечение цифрового суверенитета ЕС должно стать одним из важнейших направлений политики безопасности.

Наибольшим успехом PESCO Брюссель считает проект военной мобильности, предусматривающий упрощение процедур транспортировки войск между странами ЕС. ЕК предполагает потратить на этот проект в общей сложности 6,5 млрд евро. Проведен логистический анализ, и теперь соответствующие европейские структуры вплотную занимаются устранением обнаруженных препятствий. В рамках PESCO руководство медико-санитарной службой ЕС, центром логистики, центром учебно-тренировочных миссий и службой создания сил быстрого реагирования взяла на себя ФРГ.

Вашингтон сдержанно отнесся к европейской инициативе PESCO и потребовал выполнения обязательств по росту расходов на оборону в первую очередь в рамках НАТО, а также допуска американских компаний к совместным европейским оборонным проектам. Отметим, что компании США и так господствуют на европейском рынке вооружений: на их долю приходится более 80% международных контрактов ЕС. Сохраняющийся значительный разрыв между военным потенциалом ЕС и США программа PESCO устроить не в состоянии.

«Европейское сдерживание». Развитие европейской оборонной составляющей в направлении достижения суверенитета в этой области – крайне медленный процесс. Пока стратегический расклад в мире таков, что ЕС все равно придется согласовывать все шаги по созданию европейской обороны и функционировать она будет в рамках стратегической концепции НАТО. Сейчас невозможно представить себе какую-либо европейскую оборонную инициативу, которая не была бы стратегически совместима с НАТО и не учитывала бы стратегическое и логистическое планирование Альянса, а также не участвовала бы в его политическом планировании (включая возможность и планы по переброске американских войск в Европу). Прекращение действия Договора о ракетах средней и меньшей дальности (ДРСМД) представляет сейчас непосредствен-

ную угрозу территории континента, поскольку ракеты средней дальности имеют очень короткое подлетное время, нивелируя возможность ответного удара. В случае непосредственной угрозы Европа будет нуждаться как в гарантиях так называемой ядерной триады США, так и во вмешательстве их наземных ВС в случае крупномасштабного конфликта.

Ведущие европейские политики солидарны в том, что Европе необходимо разработать единую стратегическую культуру и вариант «европейского сдерживания». Центральным мотивом выступления Э. Макрона в Парижской военной академии (École de guerre, EdG) 7 февраля 2020 г. стал призыв к европейцам проводить независимую политику в области безопасности и обороны. Европа, по мнению Макрона, должна получить полный суверенитет над безопасностью континента, включая контроль над его жизненно важной инфраструктурой [Discours., 2020]. Президент Франции рассматривает французский ядерный потенциал, для которого принята стратегия применения ядерного оружия только в случае угрозы «жизненным интересам», как основу европейского оборонного суверенитета. Он пригласил союзников к участию в учениях французских ядерных сил, имея в виду их воздушный компонент.

Еще в 2016 г. в Европе обсуждалась инициатива «согласованного сдерживания», выдвинутая немецким депутатом от правящей ХДС Р. Кизеветтером, о финансировании английских и французских ядерных сил из Общего бюджета ЕС. Франция сейчас располагает (наряду с Китаем) третьим по величине ядерным арсеналом в мире, обладая воздушной и морской компонентами ядерных сил. Около 80–90% французского ядерного потенциала приходится на атомные ракетные подлодки класса Triomphant. Воздушный компонент французских стратегических сил представлен истребителями «Рафаль» и «Мираж-2000 N», на которых размещены крылатые ракеты ASMP-A с ядерной боевой частью. Франция рассматривает ядерное оружие как средство сдерживания путем угрозы нанесения «неприемлемого ущерба». Представляется крайне сомнительным, что какой-либо французский президент согласится передать национальный ядерный потенциал под общий контроль союзников.

Влияние фактора Китая на глобальную безопасность и расклад для Европы. Для эпохи холодной войны определяющими были биполярное противостояние, ядерное сдерживание и паритет оборонных потенциалов. Сейчас безопасность в глобальном масштабе определяется возрастающим противостоянием двух центров силы – США и Китая. Происходящее разрушение системы международных договоров является своего рода реакцией на рост влияния Китая, не ограниченного этой системой. Вот почему одним из главных вызовов безопасности для ЕС, как и для США, России и других крупных игроков, является необходимость скорейшего создания рабочего механизма, позволяющего включить Китай в систему контроля над вооружениями.

КНР предприняла попытку конвертировать свой экономический рост в геополитическое влияние и новейшие военные технологии и разработки. Китай входит в число крупнейших экспортеров оружия (четвертое место в мире в 2019 г.), хотя пока зависит от американского рынка, ряда высоких технологий и сохранения расчета в долларах в мировой финансовой системе. Китайский же козырь – мощные инвестиции, наличие военных (формально или по сути) баз в разных частях мира, «ползучая китаизация» целых регионов (в Латинской Америке, на Балканах, в Центральной Азии, Африке), избегая при этом прямой конфронтации с США. Последние до сих пор постоянно отвлекаются на противостояние с другими игроками, расплывая ресурсы. В итоге практически в каждой конфликтной ситуации с участием США или других крупных игроков одним из главных бенефициариев автоматически становится Китай.

Сверхзадача для Д. Трампа, как и любого другого президента США, мечтающего «сделать Америку великой», заключается в выработке новой цивилизационной идеи, которую можно предложить миру. Идеи, которая смогла бы продемонстрировать неоспоримые преимущества американской, а не китайской модели и убедила бы следовать в фарватере США, а не КНР. Фактор Китая продолжит оказывать определяющее влияние на внешнеполитическую и оборонную стратегии США, предопределяя ориентацию американской администрации на АТР. Для Европы это означает

необходимость достижения действенного суверенитета в области обороны.

Европа теряет для США свое политическое значение. «Трам-пизм» в американской политике будет нарастать и после того, как нынешний хозяин Белого дома покинет его, независимо от того, кто придет ему на смену [Federal President., 2020]. В ситуации, когда мир в целом становится более прагматичным и время ценностных конфликтов уходит, США в условиях ускользающего глобального лидерства будут все менее склонны к компромиссу с союзниками.

В сложившейся ситуации Европа будет пытаться и далее активизировать развитие европейской оборонной составляющей и усиливать интеграцию в области политики безопасности. Задача осложняется низким уровнем европейского оборонного потенциала, дефицитом европейского оборонного бюджета, пока еще слабым стратегическим планированием, неопределенными контурами наднационального командования европейскими ВС. Наблюдающийся рост национального самосознания в странах Центральной и Восточной Европы привел к тому, что они в целом не готовы делегировать наднациональным европейским структурам свои правительственные полномочия.

Европе сейчас остро не хватает солидарности. Это отчетливо продемонстрировали и Идлибский кризис, и Ливийская кампания, и ситуация с коронавирусом COVID-19. Эскалация обстановки в Идлибе, которая едва не привела к столкновению России и Турции, продемонстрировала, что в рамках кризисного урегулирования безусловную солидарность Европа смогла проявить пока только по двум вопросам. Во-первых, возложив ответственность за гуманитарный кризис с беженцами из зоны конфликта на действия России по поддержке режима Башара Асада; во-вторых, закрыв свои границы для беженцев после того, как Турция, требуя справедливого распределения нагрузки и ответственности в ситуации с беженцами между ней и ЕС, открыла свою границу с Сирией. 29 февраля 2020 г., по данным турецкой стороны, границу перешли большее 18 тыс. беженцев. Всего же на территории Турции сейчас сосредоточены около 3,6 млн беженцев из Сирии, Афганистана и Ирака. ЕС оказался не готов к сложившейся ситуации: несмотря на

миграционный коллапс 2015 г., у него не оказалось ни разработанной миграционной политики, ни единой стратегии при катастрофическом сценарии открытия границ с Турцией. Идлибский узел продемонстрировал отсутствие у ЕС должных компетенций в области силового аспекта международной политики. Всё, чем ЕС располагает, – это возможность закрытия границ.

ЕС придется выстраивать европейскую оборонную стратегию в условиях острых противоречий Запада с Россией, отсутствия нормального диалога, нарастающего с каждым днем противостояния США с Китаем, кризиса лидерства в мировом масштабе, а также активных информационных войн по всем направлениям. Дальнейшее развитие автономной европейской обороны и превращение ЕС в глобального игрока автоматически может нивелировать для Европы роль России в системе европейской безопасности. Сейчас, согласно своим базовым документам в области ОПБО, Евросоюз рассматривает РФ в качестве угрозы и стратегического противника.

17 апреля 2020 г. в газете «Die Welt» вышло интервью [Schiltz, 2020] постоянного представителя РФ в ЕС В. Чижова, в котором тот обозначил готовность Москвы к усилению взаимодействия со странами – участницами PESCO. Он также подчеркнул, что Россия не видит для себя проблемы в случае дальнейшего углубления сотрудничества европейских государств в рамках данной программы. Постпред отметил, что в качестве потенциальной области для сотрудничества с ЕС в рамках PESCO Москва готова рассмотреть сферы логистики, киберзащиты, а также возможность поддержки военными специалистами операций ЕС на территории третьих стран. Россия уже предоставляла свои вертолеты в рамках миротворческих операций в ЦАР и Чаде, которые ЕС проводил при поддержке Миссии ООН в 2007–2009 гг. Продолжается и сотрудничество РФ со структурами ЕС по борьбе с сомалийскими пиратами.

Позднее немецкое информационное агентство DPA привело комментарий главы Европарламента Ж. Борреля, что сотрудничество с третьими странами в рамках программ PESCO возможно при условии, что эти страны «должны разделять ценности ЕС» (цит. по: [Schiltz, 2020]). Россия, которая к тому же не имеет договоренностей

с ЕС по обмену закрытой информацией, с точки зрения Борреля, формально не соответствует этим условиям.

США и НАТО (которому, по словам бывшего генсека Альянса А.Ф. Расмуссена, активная российская внешняя политика последних лет практически вернула «raison d'être») последовательно исходят из того, что РФ представляет собой угрозу безопасности трансатлантического пространства. При этом США все стратегические вопросы международной безопасности готовы решать только в «треугольнике» США – Россия – Китай; отношения с этими странами для США – противостояние равных, поэтому РФ была, есть и будет де-факто основным партнером по переговорам. Остальных Вашингтон по определению воспринимает в качестве «ведомых»; на Европу президент Трамп смотрит снисходительно, даже не пытаясь это завуалировать.

У ЕС есть определенное преимущество перед НАТО как военным альянсом, ориентированным прежде всего на классическую концепцию сдерживания и кризисного урегулирования. В свою очередь «Глобальная стратегия ЕС» рассматривает в качестве угрозы безопасности кризисы в сопредельных государствах (включая кризисы правящих режимов), которые часто способствуют появлению беженцев и приводят к региональной нестабильности. В этом смысле предотвращение и решение гуманитарных проблем, в том числе с помощью военного вмешательства, имеет для ЕС приоритетное значение (например, миграционный кризис 2015 г.). Именно в этом направлении просматривается успешный и лишенный внутреннего конфликта потенциал дальнейшего развития программы европейской обороны.

Достаточно перспективным европейским лидерам представляется и возможное сотрудничество по обмену разведанными между странами ЕС. Создана Разведывательная коллегия Европы¹, которая должна стать площадкой для сотрудничества между разведывательными органами стран ЕС. Инициатором создания этой структуры стал президент Франции Э. Макрон. Акт об учреждении организации подписан в Загребе (Хорватия) 21 страной ЕС при

¹ Intelligence College of Europe (ICE).

участии Великобритании и Норвегии. У ICE нет четкой организационно-правовой формы. Скорее это пока своего рода имиджевые попытки придать Европе дополнительный вес.

Пандемия COVID-19 – вызов и окно возможностей для проекта по созданию европейской обороны. Глобальным вызовом, в том числе и для проекта европейской обороны, стал коронавирус COVID-19. Первая пандемия XXI в. еще больше подчеркнула существующий в мире глобальный кризис лидерства. Ни одна из международных организаций не смогла в этот критический момент выработать решения, выступить в роли антикризисного центра. Репутация европейских институтов серьезно пострадала от пандемии: брюссельская бюрократия, как и руководство большинства стран, продемонстрировала неготовность к борьбе с масштабной биологической угрозой.

В ситуации пандемии расходы правительств неизбежно растут, поэтому часть оборонных бюджетов ЕС будет перераспределена на поддержку жизненно важных для ЕС отраслей европейской экономики. Так, среди прочих сейчас будут пытаться поддержать концерн «Airbus», поскольку иначе под вопросом окажется будущее европейского авиастроения. Скорее всего будут приостановлены работы по франко-германскому проекту FCAS и англо-итальянскому «Темпест» («Буря») по созданию европейских истребителей нового поколения. С высокой долей вероятности может быть временно заморожен франко-германский проект KANT¹ по разработке основного боевого танка нового поколения для французской и германской армий². Вынужденно сокращает свои мощности и военное судостроение в Италии, Испании, Франции. Все имеющиеся возможности будут брошены на поддержание боеготовности имеющихся единиц техники.

Пандемия вернула Европе границы, а «бразды правления» переданы традиционному государству. Ценой практически коллапса системы здравоохранения в Италии, Испании, Великобритании, унесшего десятки тысяч жизней, пандемия указала на

¹ *KMW and Nexter Together.*

² *Main Ground Combat System (MGCS).*

жизненную необходимость усиления межгосударственного сотрудничества.

Еще одним вызовом для планов по созданию европейской обороны является необходимость налаживания если не сотрудничества, то хотя бы устойчивого диалога с Россией. Отсутствие диалога и подрыв доверия на международной арене влекут за собой смертельную опасность для человечества. Из-за пандемии коронавируса мир оказался в одной лодке с перспективой последующего затяжного экономического спада.

Сейчас никто не может предсказать, каков будет завтрашний мир. Очевидно лишь, что прежним он уже никогда не станет. В будущем государства в числе приоритетных угроз безопасности будут рассматривать не только кибер- и прокси-войны, но и биологические катастрофы – перспективное направление для сотрудничества в рамках европейской обороны. Речь может идти о разработке общеевропейской системы распознавания, оповещения и противостояния бактериологической угрозе с применением новейших разработок в области искусственного интеллекта и биотехнологий.

Важным аспектом оказавшейся достаточно успешной стратегии ФРГ по борьбе с пандемией, помимо эффективного кризисного управления, стали ее возможности по производству лекарств и медицинского оборудования. Даже оказавшись отрезанной от остального мира, страна способна закрыть эти потребности самостоятельно. Пандемия стала серьезным испытанием для солидарности Европы в условиях острой нехватки защитного и медицинского оборудования и на фоне жестких карантинных мер. У евроскептиков и популистов появился серьезный антиевропейский козырь, и многое зависит от того, хватит ли лидерам ЕС политической воли, чтобы в непростых условиях продолжить движение к стратегическому суверенитету Европы.

Литература

Вачедин Д. Меркель выступила за «большую коалицию» во благо Европы // Deutsche Welle. – 2017. – 11.12. – Режим доступа: <https://p.dw.com/p/2p9ts> (Дата обращения – 04.05.2020).

Сидоров А.С. Франко-германское военно-политическое сотрудничество: «Окно возможностей» или движение по инерции? // Актуальные проблемы Европы. – М.: ИНИОН РАН, 2019. – № 4. – С. 172–186.

Baker P. Trump says NATO allies don't pay their share. Is that true? // The New York Times. – 2017. – 26.05. – Mode of access: <https://www.google.ru/amp/s/www.nytimes.com/2017/05/26/world/europe/nato-trump-spending.amp.html> (Date of access – 06.05.2020).

Balkan hopefuls get green light to start EU talks, conditions still weigh on Tirana. – 2020. – 24.03. – Mode of access: <https://www.euractiv.com/section/enlargement/news/balkan-hopefuls-get-green-light-to-start-eu-talks-conditions-still-weigh-on-tirana/> (Date of access – 04.05.2020).

Bressem A. Feierliches Gelöbnis vor dem Deutschen Bundestag // Bundesministerium der Verteidigung. – 2019. – 12.11. – Mode of access: <https://www.bmvg.de/de/aktuelles/gruendungstag-der-bundeswehr/feierliches-geloebnis-berlin-148564/> (Date of access – 04.05.2020).

Bundeswehr für mehr Einsätze zu schlecht ausgestattet // t-online. – 2019. – 08.11. – Mode of access: https://www.t-online.de/nachrichten/deutschland/militaer-verteidigung/id_86772376/bundeswehr-fuer-mehr-einsatze-zu-schlecht-ausgestattet.html (Date of access – 04.05.2020).

Crowley M. «Keep the oil»: Trump revives charged slogan for new Syria troop mission // The New York Times. – 2019. – 26.10. – Mode of access: <https://www.nytimes.com/2019/10/26/us/politics/trump-syria-oil-fields.html> (Date of access – 04.05.2020).

Discours du président Emmanuel Macron sur la stratégie de défense et de dissuasion devant les stagiaires de la 27ème promotion de l'École de guerre. – 2020. – 07.02. – Mode of access: <https://www.elysee.fr/front/pdf/elysee-module-15162-fr.pdf> (Date of access – 04.05.2020).

Emmanuel Macron warns Europe: NATO is becoming brain-dead // The Economist. – 2019. – 07.11. – Mode of access: <https://www.economist.com/europe/2019/11/07/emmanuel-macron-warns-europe-nato-is-becoming-brain-dead> (Date of access – 04.05.2020).

The European Union's global strategy: Three years on, looking forward. – 2019. – 59 p. – Mode of access: https://eeas.europa.eu/sites/eeas/files/eu_global_strategy_2019.pdf (Date of access – 04.05.2020).

Federal President Frank-Walter Steinmeier at the opening of the Munich Security Conference. – 2020. – 14.02. – Mode of access: <https://germania.diplo.de/ru-ru/aktuelles/-/2307084> (Date of access – 04.05.2020).

France, Germany sign European next gen fighter jet prototype deal // Aerotime Hub. – 2020. – 20.02. – Mode of access: <https://www.aerotime.com>

aero/aerotime.team/24577-france-germany-sign-european-next-gen-fighter-jet-prototype-deal (Date of access – 05.04.2020).

Gabriel S. «Europa in einer unbequemerer Welt». Warum Europa eine neue Außenpolitik braucht: Rede beim Forum Außenpolitik // Auswärtiges Amt. – 2017. – 05.12. – Mode of access: <https://www.auswaertiges-amt.de/de/newsroom/berliner-forum-aussenpolitik/746464> (Date of access – 04.05.2020).

Haushalt 2020 mit Ausgaben von 362 Milliarden Euro beschlossen // Deutsche Bundestag. – 2019. – 29.11. – Mode of access: <https://www.bundestag.de/dokumente/textarchiv/2019/kw48-de-haushaltsgesetz-668634> (Date of access – 04.05.2020).

Henley J. Angela Merkel: EU cannot completely rely on US and Britain any more // The Guardian. – 2017. – 28.05. – Mode of access: <https://www.theguardian.com/world/2017/may/28/merkel-says-eu-cannot-completely-rely-on-us-and-britain-any-more-g7-talks> (Date of access – 04.05.2020).

Hodges B. No more excuses, Berlin! // Die Zeit. – 2019. – N 51, 05.12. – Mode of access: <https://www.zeit.de/politik/2019-12/nato-trust-donald-trump-germany-security-policy> (Date of access – 05.12.2019).

Ismar G., Marshall Ch. «Helmut Schmidt würde sich im Grabe umdrehen» // Der Tagesspiegel. – 2020. – 09.02. – Mode of access: <https://www.tagesspiegel.de/politik/wolfgang-ischinger-ueber-einseitige-abruestung-helmut-schmidt-wuerde-sich-im-grabe-umdrehen/25524518.html> (Date of access – 04.05.2020).

Kamp K.-H. Mythen der Zwei-Prozent-Debatte // Arbeitspapier Sicherheitspolitik. – 2019. – N 9. – S. 5.

Kornelius S. BND-Chef sieht Russland als «potenzielle Gefahr» // Süddeutsche Zeitung. – 2017. – 14.11. – Mode of access: <https://www.sueddeutsche.de/politik/deutscher-geheimdienst-bnd-chef-sieht-russland-als-potenzielle-gefahr-1.3749160> (Date of access – 04.05.2020).

Pradetto A. 70 Jahre NATO: Von der Konfrontation zur Information und wieder zurück // Blätter. – 2019. – N 4. – S. 93–102.

Rede von Aussenminister Heiko Maas bei der 56. Münchner Sicherheitskonferenz // Auswärtiges Amt. – 2020. – 14.02. – Mode of access: <https://www.auswaertiges-amt.de/de/newsroom/maas-muesiko/2306680> (Date of access – 04.05.2020).

Schiltz Ch.B. «Es gibt keine Limits für unsere Zusammenarbeit» // Die Welt. – 2020. – 17.04. – Mode of access: <https://www.welt.de/politik/ausland/article207302449/EU-Russlands-Botschafter-Wladimir-Tschischow-fuer-Militaer-Kooperation.html> (Date of access – 04.05.2020).

Shalal A. German lawmaker says Europe must consider own nuclear deterrence plan // Reuters. – 2016. – 16.11. – Mode of access: <https://www.>

reuters.com/article/uk-germany-usa-nuclear/german-lawmaker-says-europe-must-consider-own-nuclear-deterrence-plan-idUSKBN13B1GO (Date of access – 04.05.2020).

Shared vision, common action. A Stronger Europe: A global strategy for the European Union's foreign and security policy. – 2016. – June. – 60 p. – Mode of access: https://eeas.europa.eu/archives/docs/top_stories/pdf/eugs_review_web.pdf (Date of access – 04.05.2020).

Trump D.J. Twitter. – Mode of access: <https://twitter.com/realDonaldTrump> (Date of access – 02.04.2020).

DOI: 10.31249/ape/2020.04.02

Arzamanova T.V.¹, 2020
**European Defence:
a puzzle with many unknowns**

Abstract. *Under the pressure of the growing turbulence of Euro-Atlantic space due to the increasing isolationism of the United States and the fact that Global security is now determined by the confrontation between the two centers of power – the United States and China, as well as the shift of strategic decision-making into the USA-Russia-China triangle, Europe is forced to admit that the period of solidarity of the collective West is over. If earlier differences between the allies were exclusively tactical, now they affect already fundamental foundations. In the current situation, Europe will try to intensify the development of the European defence component and strengthen integration in the field of security policy in order to achieve full strategic sovereignty.*

This process is complicated by the low level of European defence capacity, the shortage of funds of the European defence budget, weak strategic planning, and the unresolved issue of limits of supranational competences of the command of the European Armed Forces.

With the use of comparative, event and content analysis, it is concluded that the key problem is that EU member states have a different scale of assessment of risks and security threats, they find it difficult to reach a common understanding, without which the development of a strategic concept of European defence will be largely decorative. The author considers that it is first

¹ **Arzamanova Tatyana Vladimirovna** – leading editor, Department of European security problems, INION RAS (tarzamanova@mail.ru).

and foremost necessary to establish a Pan-European consensus on basic points, including a set of definitions.

A serious challenge for the European defence project was coronavirus COVID-19. The pandemic revealed a global crisis of leadership, a lack of solidarity, and the world's lack of preparedness for a large-scale biological threat. In the near future, states will consider biological attacks among the priority security threats, and this seems to the author to be a promising field for cooperation within the framework of European defence. It is about the development of a Pan-European system of recognition, warning and opposition to the bacteriological threat using developments in the field of artificial intelligence.

Keywords: *European security, defence, strategic sovereignty, isolationism, the EU, NATO, USA, China, Russian Federation, biological threat, pandemic.*

References

Baker P. (2017). Trump says NATO allies don't pay their share. Is that true? // The New York Times. – 26.05. – Mode of access: <https://www.google.ru/amp/s/www.nytimes.com/2017/05/26/world/europe/nato-trump-spen ding.amp.html> (Date of access – 06.05.2020).

Balkan hopefuls get green light to start EU talks, conditions still weigh on Tirana. (2020). – 24.03. – Mode of access: <https://www.euractiv.com/section/enlargement/news/balkan-hopefuls-get-green-light-to-start-eu-talks-conditions-still-weigh-on-tirana/> (Date of access – 04.05.2020).

Bressem A. (2019). Feierliches Gelöbnis vor dem Deutschen Bundestag // Bundesministerium der Verteidigung. – 12.11. – Mode of access: <https://www.bmvg.de/de/aktuelles/gruendungstag-der-bundeswehr/feierliches-geloebnis-berlin-148564/> (Date of access – 04.05.2020).

Bundeswehr für mehr Einsätze zu schlecht ausgestattet. (2019) // t-online. – 08.11. – Mode of access: https://www.t-online.de/nachrichten/deutschland/militaer-verteidigung/id_86772376/bundeswehr-fuer-mehr-einsaetze-zu-schlecht-ausgestattet.html (Date of access – 04.05.2020).

Crowley M. (2019). «Keep the oil»: Trump revives charged slogan for new Syria troop mission // The New York Times. – 26.10. – Mode of access: <https://www.nytimes.com/2019/10/26/us/politics/trump-syria-oil-fields.html> (Date of access – 04.05.2020).

Discours du président Emmanuel Macron sur la stratégie de défense et de dissuasion devant les stagiaires de la 27ème promotion de l'École de guerre. (2020). – 07.02. – Mode of access: <https://www.elysee.fr/front/pdf/elysee-module-15162-fr.pdf> (Date of access – 04.05.2020).

Emmanuel Macron warns Europe: NATO is becoming brain-dead. (2019) // The Economist. – 07.11. – Mode of access: <https://www.economist.com/europe/2019/11/07/emmanuel-macron-warns-europe-nato-is-becoming-brain-dead> (Date of access – 04.05.2020).

The European Union's global strategy: Three years on, looking forward. (2019). – 59 p. – Mode of access: https://eeas.europa.eu/sites/eeas/files/eu_global_strategy_2019.pdf (Date of access – 04.05.2020).

Federal President Frank-Walter Steinmeier at the opening of the Munich Security Conference. (2020). – 14.02. – Mode of access: <https://germania.diplo.de/ru-ru/aktuelles/-/2307084> (Date of access – 04.05.2020).

France, Germany sign European next gen fighter jet prototype deal. (2020) // Aerotime Hub. – 20.02. – Mode of access: <https://www.aerotime.aero/aerotime.team/24577-france-germany-sign-european-next-gen-fighter-jet-prototype-deal> (Date of access – 05.04.2020).

Gabriel S. (2017). «Europa in einer unbequemeren Welt». Warum Europa eine neue Außenpolitik braucht: Rede beim Forum Außenpolitik // Auswärtiges Amt. – 05.12. – Mode of access: <https://www.auswaertiges-amt.de/de/newsroom/berliner-forum-aussenpolitik/746464> (Date of access – 04.05.2020).

Haushalt 2020 mit Ausgaben von 362 Milliarden Euro beschlossen. (2019) // Deutsche Bundestag. – 29.11. – Mode of access: <https://www.bundestag.de/dokumente/textarchiv/2019/kw48-de-haushaltsgesetz-668634> (Date of access – 04.05.2020).

Henley J. (2017). Angela Merkel: EU cannot completely rely on US and Britain any more // The Guardian. – 28.05. – Mode of access: <https://www.theguardian.com/world/2017/may/28/merkel-says-eu-cannot-completely-rely-on-us-and-britain-any-more-g7-talks> (Date of access – 04.05.2020).

Hodges B. (2019). No more excuses, Berlin! // Die Zeit. – N 51, 05.12. – Mode of access: <https://www.zeit.de/politik/2019-12/nato-trust-donald-trump-germany-security-policy> (Date of access – 05.12.2019).

Ismar G., Marshall Ch. (2020). «Helmut Schmidt würde sich im Grabe umdrehen» // Der Tagesspiegel. – 09.02. – Mode of access: <https://www.tagesspiegel.de/politik/wolfgang-ischinger-ueber-einseitige-abrustung-helmut-schmidt-wuerde-sich-im-grabe-umdrehen/25524518.html> (Date of access – 04.05.2020).

Kamp K.-H. (2019). Mythen der Zwei-Prozent-Debatte // Arbeitspapier Sicherheitspolitik. – N 9. – S. 5.

Kornelius S. (2017). BND-Chef sieht Russland als «potenzielle Gefahr» // Süddeutsche Zeitung. – 14.11. – Mode of access: <https://www.sueddeutsche.de/politik/deutscher-geheimdienst-bnd-chef-sieht-russland-als-potenzielle-gefahr-1.3749160> (Date of access – 04.05.2020).

Pradetto A. (2019). 70 Jahre NATO: Von der Konfrontation zur Information und wieder zurück // Blätter. – N 4. – S. 93–102.

Rede von Aussenminister Heiko Maas bei der 56. Münchner Sicherheitskonferenz. (2020) // Auswärtiges Amt. – 14.02. – Mode of access: <https://www.auswaertiges-amt.de/de/newsroom/maas-muesiko/2306680> (Date of access – 04.05.2020).

Schiltz Ch.B. (2020). «Es gibt keine Limits für unsere Zusammenarbeit» // Die Welt. – 17.04. – Mode of access: <https://www.welt.de/politik/ausland/article207302449/EU-Russlands-Botschafter-Wladimir-Tschischow-fuer-Militaer-Kooperation.html> (Date of access – 04.05.2020).

Shalal A. (2016). German lawmaker says Europe must consider own nuclear deterrence plan // Reuters. – 16.11. – Mode of access: <https://www.reuters.com/article/uk-germany-usa-nuclear/german-lawmaker-says-europe-must-consider-own-nuclear-deterrence-plan-idUSKBN13B1GO> (Date of access – 04.05.2020).

Shared vision, common action. A Stronger Europe: A global strategy for the European Union's foreign and security policy. (2016). – June. – 60 p. – Mode of access: https://eeas.europa.eu/archives/docs/top_stories/pdf/eugs_review_web.pdf (Date of access – 04.05.2020).

Sidorov A.S. (2019). French-german military cooperation: «window of opportunities» or movement by inertia? [*Franko-germanskoje voenno-politicheskoe sotrudnichestvo: «Okno vozmozhnostei» ili dvizhenie po inertsii?*] // Current Problems of Europe. – N 4. – P. 172–186.

Trump D.J. Twitter. – Mode of access: <https://twitter.com/realDonaldTrump> (Date of access – 02.04.2020).

Vachedin D. (2017). Merkel advocated a «big coalition» for the good of Europe [*Merkel' vystupila za «bol'shuyu koalitsiyu» vo blago Evropy*] // Deutsche Welle. – 11.12. – Mode of access: <https://p.dw.com/p/2p9ts> (Date of access – 04.05.2020).